

Про вопрос, который уже давно хотелось задать, но не получалось как раз из-за «атак» Жун Тяня, Фэн Мин вспомнил лишь через несколько дней.

— Не уходи. — Из-под одеяла высунулась голова. С трудом ухватившись за уже переодевшегося и собирающегося уходить Жун Тяня, юноша потёр глаза. — С одним из двух посланников, что хотели взять еду взаймы, мы уже встретились, а с другим твоим незабвенным красавцем...

— Согласно полученным новостям, он прибудет сегодня после обеда.

— Сегодня после обеда? — Ещё сонный Фэн Мин вытянул из-под одеяла обнажённую ступню, попадая в ловкие ладони [1] мужчины, который слегка её поцарапал, дразня и заставляя юношу вскрикнуть: — Ах! Эй-эй, а ну отпусти! Разве тебе не надо давать утреннюю аудиенцию? А этот Лу Дань зачем требует встречи со мной?

— Напротив, он не добивался твоей аудиенции. — Жун Тянь разжал ладонь, и Фэн Мин спешно отдёрнул ногу, пряча её под одеялом, и пристально посмотрел на мужчину, желая также спешно ему ответить. Однако мужчина опередил юношу: — Князю Мину не стоит забывать, что этот император сейчас занимается государственными делами, находясь во дворце наследного принца, а Лу Дань, разумеется, хочет прибыть сюда, чтобы встретиться со мной. Я же, в свою очередь, хочу, чтобы ты тоже с ним увиделся...

— Зачем?

— Ах, ты хоть и не обладаешь его красотой, однако тебе всё же следует перенять его очаровательные и женственные манеры.

Большая подушка полетела в Жун Тяня.

Приближалось время утренней аудиенции, и мужчина был вынужден приостановить сие безобразие: взяв подушку, он вернул её Фэн Мину и, поцеловав в щёку, проговорил:

— Государственные дела важнее, прошу князя Мина простить императора Силэй за то, что он сегодня утром не сможет позволить князю Мину вновь испытать греховное удовольствие. — И, подмигнув, Жун Тянь стремительно покинул покои юноши.

Фэн Мин остолбенел и только когда всё осознал, громко крикнул: «Жун Тянь!» — и вновь бросил подушку, однако на этот раз попадая лишь по двери. Мужчина же пораньше отправился в передний зал [2].

Раздался звук открывающейся двери, и на пороге возникли Цю Лань и Цю Син с тазом горячей воды в руках. В один голос девушки сказали со смехом:

— Князь Мин сегодня очень рано проснулся.

- Всё же мы посчитали, что после такой ночи сегодня князь Мин проснётся ближе к полудню.
- Из-за двери выглянула голова озорной девчонки — Цю Юэ.

Крайне стеснённый Фэн Мин посчитал, что в последнее время служанки становятся очень возмутительными, и ладно бы, если они просто подслушивали, но нет, сейчас они неожиданно начали глумиться прямо ему в лицо, отчего юноша, помрачнев, крикнул:

— Цю Юэ.

Девушка звонко отозвалась:

— Ваша служанка здесь. Какими будут распоряжения князя Мина? — Подойдя к кровати, она поклонилась в знак приветствия.

Цю Син, по-прежнему стоя в стороне, подмигнула.

Пока девушки веселились и забавлялись, за окном внезапно донёлся женский плач:

— Старшие братья [3], не надо! Я больше не осмелюсь!

— Угу, следуй за нами.

— Умоляю, прошу вас, старшие братья! Я не осмелюсь!

Услышав прерывистый плач, Фэн Мин и служанки обменялись растерянными взглядами, словно спрашивая: «Что опять случилось во дворце наследного принца?»

— Идём, поглядим.

Любопытные от природы Цю Син и Цю Юэ, не дожидаясь приказа, выскочили за дверь, и через несколько минут от них и тени не осталось. Фэн Мин тоже спешно поднялся с кровати и, почти находясь у выхода, был остановлен своей милой служанкой Цю Лань.

Девушка, нахмутив брови, произнесла:

— Князь Мин ещё не переоделся. Если во дворце служанка совершила преступление, то согласно правилам её подвергнут наказанию. Что в этом особенного? — Причесав и умыв юношу, Цю Лань, высмеивая, произнесла: — Цю Юэ и Цю Син, эти две девчонки, всё-таки и впрямь сбежали. К счастью, они следуют за князем Мином, если бы у них был другой господин, то неизвестно, какое наказание они бы получили.

Зная собственных служанок, Фэн Мин ответил:

— Не встретив меня, они не осмелились бы так безобразничать.

— И правда.

Поменяв наряд князя Мина и к тому же надев на него золотую корону, Цю Лань долгое время осматривала юношу и затем кивнула:

— Хорошо. — Фэн Мин благодарно ей улыбнулся, и, как раз выходя из комнаты, юноша внезапно услышал плач, который становился громче. Похоже, тихо плачущая девушка находилась где-то поблизости.

Вскоре донёсся звук шагов, следовавших друг за другом, но он стих у дверей, а плач, наоборот, стал слишком отчётливым. Фэн Мин и Цю Лань посмотрели друг на друга, понимая, что это вовсе не простая служанка, совершившая грубую ошибку, иначе бы не явились доложить о ней князю Мину.

— Цю Лань, скорее сходи посмотри. — Тут Цю Юэ вошла в комнату и, не говоря, в чём дело, протянула к ней ладонь, которую разжала, показывая великолепную маленькую нефритовую подвеску. Девушка наклонила голову и спросила: — Это вещица князя Мина?

Цю Лань внимательно посмотрела на подвеску и, кивнув, сказала:

— Ах, это всё же та вещь, которую носил князь Мин, будучи наследным принцем. Князь Мин говорил, что она ему не нравится и, сняв, положил её в стенной шкаф, а после она бесследно исчезла. Где ты нашла эту бесполезную безделушку?

— Не только её, но ещё много чего. — Цю Юэ вновь вытащила несколько ничем не привлекательных безделушек: на ладони оказались не только нефритовые, но и золотые украшения Фэн Мина. Внимательно всё рассмотрев, Цю Лань узнала их. Уже давно подошедший Фэн Мин всё осмотрел, только он никогда не придавал огромного значения своим украшениям, даже многочисленные подарки Жун Тяня юноша обычно выпускал из рук и терял. Откуда же он мог их узнать?

Цю Лань с сомнением сказала:

— Все эти безделушки, что раньше лежали в шкафу, исчезли. Неужели их действительно кто-то мог украсть?

Стоящая за дверью Цю Син вошла в комнату и, захлопав в ладоши, проговорила:

— Между прочим, Цю Лань угадала. Мы неожиданно нашли этого воришку, который, словно мышь, едущая верхом на кошке [4], осмелился взять вещи князя Мина. Этот вор уже стоит за дверью, теперь решение остаётся только за князем Мином.

Потянув за собой нескольких служанок, Фэн Мин вышел за дверь, где уже находился Жун Ху. Юноша хранил молчание, выражение его лица было серьёзным. Та девушка, что заливалась слезами, стояла на коленях и, дрожа всем телом, низко свесила голову. Изгибы её шеи были пленительными, внешность — несколько очаровательной, а судя по одежде и украшениям, девушка являлась обычной служанкой, что прислуживали господину за пределами опочивальни.

Прибыв в этот мир, Фэн Мин чаще всего находился вместе с Жун Тянем, с Жо Янем и другими императорскими особами, а его приближёнными, естественно, были Цю Лань, Цю Син, Ле-эр — все они имели право состоять в свите князя. Однако в настоящее время, для безопасности юноши, ему прислуживали лишь приближённые слуги князя: Цю Лань, близняшки и Жун Ху, остальные же обычные служанки хоть и служили ему, находясь за стенами дворца, однако сам юноша никого из них не знал в лицо.

Главный императорский стражник Дунлин приблизился к Фэн Мину и довольно учтиво прошептал, спрашивая:

— Государь как раз занят в переднем зале, и было бы крайне неудобно, услышь он её плач. Одно слово князя Мина, и её подвергнут наказанию.

Заметив, что девушка дрожит от страха, юноша сжалился и сразу же спросил:

— Как тебя зовут?

— Вашу служанку... Вашу служанку зовут Цай Цин, — дрожащим голосом едва слышно прошептала она.

Стоящая позади Фэн Мина Цю Лань равнодушно проговорила:

— Князь Мин спросил тебя, подними голову и ответь как следует. — Она и Цю Юэ являлись старшими приближёнными служанками Фэн Мина, и хоть сама Цю Лань улыбалась господину, однако исполняла свои дела безоговорочно.

Цай Цин, слегка дрожа от страха, подняла голову, показывая нежное лицо.

Белая кожа, сверкающие и прозрачные глаза — саму девушку можно было считать красавицей. Фэн Мин, глядя на неё, спросил:

— Ты украла все эти вещи?

Пока юноша не задавал вопросов, девушка вела себя тихо, но стоило ему спросить, как она внезапно вновь начала плакать и, потирая глаза, проговорила:

— Больше не осмелюсь, князь Мин, пощадите меня.

Это можно было считать признанием вины. И раз уж Цай Цин признала её, то намерений наказывать девушку у Фэн Мина не было. Поглядев на слуг, ожидающих его распоряжений, юноша подумал немного и, обернувшись, спросил Дунлина:

— Как вы обычно наказываете?

— На самом деле она украла вещи князя Мина, её нельзя сравнивать с обыкновенным дворцовым воришкой. Потому-то наказание должно быть крайне суровым. Только эта Цай Цин прислуживает во дворце наследного принца уже много лет и вплоть до этого дня не совершала каких-либо проступков. — Проговорив с восхищением в голосе, Дунлин предложил: — Если князь Мин пощадит её, тогда мы применим обычное наказание. Не будем душить, а просто отрубим руки, не более.

Фэн Мин испугался и с изумлением спросил Цю Юэ:

— Какие именно вещи она украла?

Цю Юэ вытащила украшения, покрытые грязью, и стала перечислять одну за другой:

— Одна яшмовая подвеска, одна маленькая золотая подвеска долголетия, ещё поясная яшмовая подвеска, горстка...

— Все эти вещи, которые я не хотел носить, скопились во дворце наследного принца и заплесневели бы. — Фэн Мин посмотрел на бледную от страха Цай Цин и, обращаясь к Дунлину, сказал: — Из-за этих украшений рубить ей руки тоже чересчур. — Взяв из рук Цю Юэ не привлекающие внимание нефритовый и золотой кулоны, князь Мин сунул их в ладони Цай Цин и улыбнулся девушке: — Забирай, я дарю их тебе. Девушкам тоже нравятся такие вещицы, и это не удивительно, только не нужно их воровать.

Цай Цин широко распахнула глаза. Боясь верить в происходящее, она уставилась на князя.

Сделав доброе дело, Фэн Мин не мог не радоваться, однако Цю Лань незаметно дёрнула его за рукав и прошептала на ухо:

— Князь Мин неподобающе наказал служанку. Она является горничной, которая подметает цветную галерею и даже не имеет права входить в опочивальню, однако тайком пробралась в Вашу комнату и обворовала Вас. Если князь Мин пощадит её сейчас, то в будущем во дворце наследного принца будет царить хаос.

Цю Син кивнула, соглашаясь, и тоже вставила слово:

— Дворец наследного принца — строгое и запретное место, а она осмелилась безобразничать, и впрямь дерзко с её стороны. Мне кажется это несколько странным, нужно всё тщательно у неё выведать.

До этого молчаливый Жун Ху открыл рот и блёкло проговорил:

— Это легко выполнимо, передайте это дело мне, и за один день я смогу добиться от неё признания и заставить повиниться. — Помимо того, что юноша нёс ответственность за внешнюю охрану князя Мина, он ещё когда-то вёл допросы, пытая провинившихся. Подвергшись его беспощадному взгляду, Цай Цин испугалась так сильно, что даже её губы посинели. Передвинув мягкие колени вперёд, девушка внезапно крепко обхватила ноги Фэн Мина и слёзно взмолилась: — На Цай Цин нашло затмение, князь Мин, пощадите Вашу служанку! Она согласна, чтобы ей отрубили руки, только не отправляйте Вашу служанку в допросную комнату...

Острый взгляд Жун Ху остановился на её спине, а сам юноша равнодушно проговорил:

— Зачем нужно было воровать украшения князя Мина? У Цю Лань и Цю Юэ их немало, к тому же они как раз для девушек, зачем ты украла мужские украшения? Говори!

Услышав это, Фэн Мин почувствовал, как в душе что-то шевельнулось, и он вспомнил слова Жун Тяня, который подозревал, что кто-то использует магию против него, Фэн Мина. А разве обычно в колдовстве не используются те вещи, что носит жертва? Однако вещицы, которые украла Цай Цин, юноша лишь вертел в руках и тотчас же откладывал в сторону. Если тут замешано колдовство, то она должна была выкрасть то, что часто носил Фэн Мин. Помолчав немного, юноша спросил Цай Цин:

— Ты сегодня украла все эти вещи? Если давно, то всё разом или постепенно?

Вместо служанки ответил Дунлин:

— По-видимому, она украла их не сегодня. Когда мы проверяли комнаты служанок, обнаружили на шее её ребёнка подвеску, которая не была обычным украшением слуг, поэтому схватили Цай Цин и тщательно её допросили. Она сказала, что украла эти вещи давно, сначала она взяла ту маленькую золотую подвеску. В прошлом году князя Мина не было во дворце наследного принца, и никто его тщательно не охранял. Она увидела, что украшения лежат в стенном шкафу, и в ней тотчас же разыгралась жадность.

Услышав это, все немного успокоились. В прошлом году Фэн Мин скитался по чужим землям то Боцзянь, то страны Ли, и пока он это делал, во дворце наследного принца царил беспорядок. После того как Ле-эр, Жун Ху, Цю Юэ и Цю Син последовали за Жун Тянем к князю на помощь, в таком огромном дворце наследного принца осталась лишь охваченная сильным

беспокойством Цю Лань, которая, как и все остальные слуги, не следила за этими не заслуживающими внимания безделушками.

Цю Юэ кивнула, говоря:

— Вспомнила: после возвращения князя Мина мы каждый день охраняли их. Как она могла достать эти вещи?

— Эти украшения и впрямь давно пропали, только они были не слишком значительны. Цю Лань время от времени как попало всё бросала, вполне естественно, никто и не заметил.

Цю Лань недовольно запротестовала, обращаясь к Цю Син:

— Когда это я как попало бросала эти вещи?

Только Фэн Мин обратил внимание на совсем другое, вздохнул и, взглядываясь в лицо Цай Цин, спросил:

— У тебя есть сын? Сколько тебе лет?

Опустив голову, Цай Цин ответила:

— Докладываю князю Мину: Вашей служанке в этом году исполнилось девятнадцать.

На лице Фэн Мина появилось сомнение, а Цю Юэ на ухо прошептала:

— Наверно этот ребёнок от часто бывавшего во дворце знатного мужчины. Просто придворные служанки, не видя света белого, надеются встретить знатного человека и родить от него, чтобы в скором времени стать его наложницей.

Цю Лань со вздохом сказала:

— В императорском дворце у женщин несчастная судьба. Лелея в душе родить ребёнка от знати, немногие удачливо становятся наложницами. Многих детей, если отец не признает, могут удушить. Цай Цин всё равно совестливая, позвольте её ребёнку выжить.

Фэн Мин впервые сталкивался с дворцовой закулисной стороной и, услышав подобное, нахмурился, отчего на лбу появилась морщинка.

— А сколько лет ребёнку? Позови его, чтобы посмотреть. Вот уж действительно безобразие. Цай Цин, забудем об украденном, если скажешь мне, кто отец ребёнка, я тотчас же сделаю

тебя хозяйкой своей судьбы. — Сейчас он, являясь величественным князем Мином, говорил звонко.

Цай Цин благодарным взглядом смотрела на юношу и, опустив голову, мягко ответила:

— Только Цай Цин является служанкой, как смеет она беспокоить князя Мина?

— Не бойся, я заставлю его жениться на тебе.

— Он... он не сможет на мне жениться. — Девушка слегка покачала головой, обнажая на лице чувство горя и обиды, а слёзы, что застлали глаза, сделали её в одно мгновение нежной, трогательной и необычайно привлекательной. В императорском дворце было много красивых служанок, которых всегда по своему желанию «срывали» знатные мужчины, а она, Цай Цин, если понравилась кому-то, то, естественно, за свою отличительную особенность.

Фэн Мину, увидев её внешность, показалось, что к отцу ребёнка у неё были искренние чувства, более того, юноша подумал, что она не хочет раскрывать имя партнёра, а заставлять её было не совсем приемлемо. Тогда юноша, обращаясь к Жун Ху, спросил:

— Эти вещи были украдены давно по той простой причине, что везде царил кавардак, вот она и стащила, что плохо лежит [5]. Такова человеческая натура. Всё, что нужно, мы уже выяснили, ты же ведь не станешь подвергать её пытке?

Окинув взглядом Цай Цин, Жун Ху сложил руки в знак почтения и сказал:

— Как князю Мину будет угодно.

Вскоре пришли охранники, держа на руках мальчика, которому на вид было два-три года. Ребёнок был словно вырезан из белого нефрита, его глаза сверкали, придавая ему необычайное очарование.

Цю Юэ громко вскрикнула:

— Какой прелестный малыш! — Протянув руки, служанка обняла ребёнка, который без стеснения позволил это сделать. Перебравшись на руки к Цю Юэ, мальчик стал оглядываться, ища маму.

Служанке понравился этот красивый малыш. Цю Син подошла к сестре и, мягко ущипнув его за нежные, словно созданные из воды, щёчки, сказала со смехом:

— Посмотрите на него, его отец наверняка обладал такой же красотой. Как его зовут?

Цай Цин, стоя на коленях, шёпотом ответила:

— Цай Цян...

Фэн Мин, воспользовавшись удобным случаем, сказал:

— Цай Цин, поднимись, а охрана может идти. — Служанка подчинилась и поднялась с колен, однако, продолжая низко держать голову, девушка встала в угол, боясь пошевелиться. Цай Цян, обернувшись, увидел маму и спешно закричал: «Матушка, матушка!» — и протянул пухленькие ручки к ней. Неся на плечах груз совершенного преступления, девушка сдерживала слёзы и упрямо держала низко голову. Она не посмотрела на сына, отчего ребёнок надул щёки, уже собираясь разразиться слезами. Цю Юэ отпустила Цай Цяна и, как только ножки коснулись земли, он тотчас же, пошатываясь, побежал к Цай Цин. Ребёнок, схватив девушку за угол юбки, потянул и, запрокинув голову, позвал: «Матушка! Матушка!» — приятный и звонкий голосок малыша, который, по-видимому, ещё плохо выговаривал слова, получился немного искажённым.

Цай Цин сжала губы, слушая голосок ребёнка, из глаз тотчас же потекли слёзы, которые были словно с горошину, и, склонившись, девушка крепко обняла малыша.

Цю Лань, которая с самого начала не хотела, чтобы Фэн Мин легко щадил Цай Цин, увидела, как мать прижимает к себе сына, и невольно смягчила сердце. Передав носовой платочек Цай Цин, служанка со вздохом спросила:

— Ты украла эти вещи, чтобы подарить ребёнку?

Покрасневшая от слёз служанка кивнула и высоким, словно комариный писк, голосом ответила:

— Старые придворные говорили, что если надеть на ребёнка вещь знатного господина, то ребёнок будет благословлён и будет в безопасности.

Цю Юэ, сняв со своего пояса маленькую нефритовую подвеску, продела в неё шёлковую нить, сделав нефритовое ожерелье, после чего потянулась к ручке Цай Цяна, чтобы надеть украшение, и поцокала языком:

— Этому ребёнку действительно идут нефритовые украшения, посмотрите на его кожу, она белее нефрита. — Не удержавшись, служанка вновь мягко ущипнула мальчика за щёчку и рассмеялась: — Хочу также с его матушкой отправиться искать какие-нибудь украшения, чтобы нарядить его.

Однако Цю Лань спросила:

— Цай Цин, честно скажи мне: кроме этих нескольких безделушек, может, ты ещё что-нибудь взяла? Расскажи сейчас, и пока князь Мин здесь, он простит твой проступок. Если через какое-то время выяснится, что ещё что-то пропало, то даже князь Мин не спасёт тебя.

Цай Цин, испугавшись, спешно рухнула на колени и, свесив голову, проговорила:

— Те вещи, что украла тогда, я все надела на Цай Цяна. Это я, глупая, поверила в бессмысленные рассказы. Остальные ценности я не осмелилась брать, только...

— Только что?

— Только я постоянно ворую из императорской кухни немного мяса, я... я лишь беспокоюсь, что если Цай Цян будет плохо питаться, то заболеет. — Цай Цин напряжённо теребила уголок юбки, скручивая его в клубок.

Цай Цян, совершенно не понимая, что происходит, стоял рядом с матерью и с любопытством продолжал трогать красную, вплетённую в её косу ленту.

Подняв девушку, Фэн Мин сердито проговорил:

— Не нужно, чуть что, сразу становиться на колени прямо на глазах у родного сына. — И, обернувшись, юноша обратился к Цю Лань: — Те пирожные, что ты недавно делала, думаю, не все достались Ле-эру, так? Впредь Цай Цин больше не нужно воровать, ты будешь готовить и на её долю тоже.

Цю Юэ, растянув губы, с улыбкой сказала:

— Князь Мин не так понял. Цай Цин говорила про шкаф, что стоит на кухне у слуг и охранников, а мы готовим на маленькой кухоньке. Если бы все служанки легко могли туда входить и воровать всё, что вздумается, то князю Мину уже давно бы подсыпали яд в еду.

Только тогда юноша всё понял и, качая головой, горько усмехнулся:

— Никак не думал, что у меня неожиданно появится так много привилегий.

— Цай Цин, позволь мне обнять Цай Цяна, — проговорила Цю Син.

Служанка, взяв мальчика, передала его в объятия старшей из близняшек. Заметив, что её сын всем понравился, Цай Цин в душе обрадовалась.

— Да, Цай Цян, называй меня старшей сестрицей.

— Ну ты даёшь, Цю Син, какая же ты старшая сестрица? Он должен звать тебя тётушкой.

— Пф, тётушка так тётушка, я — тётушка, а ты — нет. — Будучи заткнутой ответом близняшки, Цю Юэ со вздохом закатила глаза.

Забрав у Цю Син ребёнка, Цю Лань нежно погладила его по мягким волосам, тихо шепча:

— И впрямь красивый ребёнок, и выглядит благородно. Если бы его родила благородная главная жена, то его непременно осыпали бы любовью. — И, вновь слегка нахмутив брови, она сказала: — Почему, когда смотришь на него... то кажется, что он кого-то напоминает?

— Напоминает государя?

Фэн Мин испугался и тотчас же внимательно посмотрел на Цай Цяна, но, ничего не разглядев, юноша краем глаза заметил улыбку на лице Цю Син. Поняв, что его вновь обвели вокруг пальца, Фэн Мин помрачнел и протяжным шёпотом предупредил:

— Цю Син...

Девушка высунула язычок и, спешно прибегнув к этикету, попросила прощения:

— Больше не осмелюсь, князь Мин, простите меня.

Цай Цин, которая не была достойна входить в близкую свиту Фэн Мина, сегодня узнала, что юноша, оказывается, намного общительнее, чем говорили слухи. Широко распахнув глаза, она не могла себе представить, чтобы сам князь Мин играл с Цю Син и остальными служанками.

Цай Цян был необычайно милым, что даже Цю Лань не удержалась и, приблизившись, подразнила его.

Фэн Мин рассмеялся:

— Если вам нравится, то можно оставить этого малыша здесь.

Цай Цин с ужасом посмотрела на князя, который, в свою очередь улыбаясь, объяснил ей:

— С уходом Ле-эра как раз освободилось место, так что можете жить здесь в комнате придворных слуг князя. Да и воровать мясо для Цай Цяна будет не обязательно, даже можно давать ему носить мои безделушки.

— Это дело хоть и хорошее, только обязательно нужно спросить у государя. Желательно

спросить совета и у Жун Ху, который несёт ответственность за охрану князя Мина.

— Жун Тянь никогда не пойдёт наперекор моим желаниям. Однако, Цай Цин, ты согласна или нет?

Это было равносильно поднятию на две ступени: от обычной прислуги до уровня придворных служанок князя Мина. Цай Цин, боясь поверить, посмотрела на улыбающегося юношу и через какое время, смущённая неожиданной милостью, рухнула на колени.

Фэн Мин, крепко схватив её, потянул, вынуждая подняться:

— Я уже догадался, что ты вновь преклонишь колени. Сейчас и тебе ясно объясню: я не люблю, когда передо мной встают на колени, после того, как ты войдёшь сюда, первым делом постарайся забыть эту привычку.

— Князь Мин...

Услышав это, Цай Цин смутно всхлипнула, но юноша спешно её перебил, проговорив:

— Также нельзя бесцеремонно плакать, я очень боюсь женских слёз. Когда я только вернулся из страны Ли и отказался выпить сваренный бульон Цю Лань, тогда она немедленно расплакалась, да так, что у меня от её плача разболелась голова...

— Князь Мин! — Цю Лань топнула ногой.

Фэн Мин спешно поднял руки вверх:

— Хорошо, не скажу.

Увидев его притворно напыщенное лицо, служанки рассмеялись, и даже трусливая Цай Цин, не удержавшись, тайком растянула губы в лёгкой улыбке.

Время близилось к обеду, и Цю Лань обратилась к Цай Цин:

— Я собираюсь приготовить обед, и ты пойдёшь, чтобы мне в этом помочь.

Держа на руках Цай Цяна, Цю Юэ ворошила одну за другой нефритовые украшения Фэн Мина, желая вновь украсить мальчика, и, услышав слова Цю Лань, сказала:

— Цай Цин, иди, только Цай Цяна оставь, позволь ему с нами поиграть.

Девушка согласилась и, погладив по голове сына, мягко проговорила:

— Матушка скоро вернётся, а до этого будь послушным. — И служанка последовала за Цю Лань.

Подождав пока Цай Цин уйдёт, Фэн Мин спросил:

— Есть ли какие-нибудь способы выяснить, кто отец Цай Цяна? Если он не признает такого очаровательного ребёнка, тогда он не достоин называться мужчиной.

Цю Юэ понимала, что Фэн Мин по-прежнему не смирился с неизвестной личностью отца малыша, и со вздохом сказала:

— У князя Мина действительно доброе сердце, однако, как Вы понимаете, дело очень тёмное. Во дворце также есть служанки с детьми на руках, если благородные встречаются и заводят ребёнка от служанки, то забирают лишь ребёнка, а матери подсыпают яд. По-моему, если отец Цай Цяна не предан своему сыну и возлюбленной, то лучше пусть Цай Цин остаётся во дворце.

— Если я её господин, то кто посмеет это сделать? Если этот человек захочет причинить Цай Цин вред, то я непременно скажу Жун Тяню умертвить этого негодяя. Но увы, мы не знаем, кем является этот мужчина, так как Цай Цин не хочет называть его имя.

Цю Син и её сестра не могли знать, что на самом деле Фэн Мин сирота, и он ненавидел, когда родители бросали своих детей, поэтому с непониманием смотрели на него. Выпустив Цай Цяна и позволив ему играть с нефритовыми безделушками, Цю Юэ прошептала юноше:

— Князю Мину не стоит больше спрашивать об этом Цай Цин. Во-первых, боюсь, она может огорчиться, а во-вторых... что, если сама Цай Цин не знает, кто его отец?

— А?

Цю Юэ вновь прошептала на ухо:

— Во дворце множество благородных, и бывало, что за одной служанкой ухаживали двое благородных мужчин, и это не выдумки. Да и потом, Цай Цин очень хорошенькая.

Фэн Мин ещё больше изумился, а Цю Син, слегка толкнув Цю Юэ, осуждающе проговорила:

— Что за вздор ты несёшь? Лишь посмотри на Цай Цин, и сразу станет ясно, что она в душе любит отца Цай Цяна и не поведёт себя непристойно. — Обернувшись к Фэн Мину, близняшка добавила: — Говоря об отце Цай Цяна, Ваша служанка считает, что у Цай Цин был лишь один мужчина.

— И кто он?

Цю Син закатила глаза, а потом, пообеда взглядом комнату, тихо проговорила:

— Молодой господин Тун.

— Этот тип? — вскрикнул Фэн Мин. Хоть Тун-эр и не причинил ему зла, однако совершенно не вызывал симпатии, а потому как он мог быть отцом такого очаровательного ребёнка?

Теперь настала очередь Цю Юэ осуждающе сказать:

— Не неси вздор.

— Почему это вздор?! Хоть во дворце много благородных мужчин, однако молодых господинов мало.

Цю Юэ специально начала спорить:

— Как ты могла узнать, что отцом Цай Цяна является молодой господин, от семидесятилетнего мужчины тоже можно родить ребёнка.

Цю Син, топнув ногой, сказала:

— Такие, как генерал Чу, на внешность корявые старики. Ты думаешь, ей бы они понравились? Очевидно, что Цай Цин любит того человека!

Близняшка была права, а Цю Юэ, фыркнув, больше не осмелилась задираться и, отвернувшись, стала вновь играть с Цай Цяном. Тем временем Цю Син продолжила анализировать:

— К тому же Цай Цяну два или три года. Когда Цай Цин встретила отца малыша, вероятнее всего государь ещё не вступил на престол. В то время молодой господин Тун часто ездил во дворец наследного принца. Разве это не совпадение?

Фэн Мин, слушая долгое время, разочарованно проговорил:

— А доказательств нет?

— Какие уж там доказательства? — Цю Син скорчила гримасу. — Это лишь предположения Вашей служанки. Ах, пойду посмотрю, какие лакомства сегодня готовит Цю Лань. — И, словно струйкой дыма, выскочила из комнаты.

Фэн Мин до скрежета зубов был зол. Лишь в эту минуту юноша понимал, насколько важна прогрессивная наука, по крайней мере, тест ДНК мог помочь многим.

Спустя полчаса, вытирая испарину, вернулась Цю Лань:

— Обед уже готов. Князь Мин будет есть или всё же дождётся государя, чтобы составить ему компанию за столом?

Однако юноша ещё ничего не успел ответить, как в комнату широкой поступью вошёл Жун Тянь:

— Князь Мин составит мне и ещё одному гостю компанию за обедом.

Фэн Мин принял радостный вид:

— Тебе удалось так быстро обсудить дела? А что за гость? — Говоря это, юноша приблизился к мужчине.

Жун Тянь не ответил, однако из-за его спины вольготно вышла тень и, тихо обращаясь к Фэн Мину, сложила руки в знак приветствия. Слово свежего ветерка обдал лбы собравшихся в комнате людей, едва стоило им услышать неописуемо-привлекательный и мягкий голос гостя, который плавно проговорил:

— Лу Дань из Дунфань рад видеть князя Мина. — И, склонив тело в очень глубоком поклоне, мужчина выпрямился и посмотрел на обомлевшего вместе со своими служанками Фэн Мина.

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «ловкие руки и зоркие глаза», обр. в знач. «ловкий, подвижный».

[2] Павильон перед основным сооружением императорского дворца.

[3] Во дворце у слуг не было никого, кроме сотоварищей, которых они называли братьями и сёстрами.

[4] Обр. в знач.: быть отчаянно смелым.

[5] В оригинале фраза звучит как «попутно увести овцу», обр.: стащить, что плохо лежит.

<http://bllate.org/book/13377/1190117>